

СЕРЬЕЗНАЯ ПРОЗА ЮМОРИСТА

Аркадий Арканов, популярный сатирик, к тому же большой знаток и любитель шахмат, рассказал мне, полному профану в этом деле, что существует такое шахматное понятие, как разноцветные слоны. Один ходит только по белым диагоналям, другой — только по черным. Их пути никогда не пересекаются. Они как бы существуют в разных измерениях. Хотя и взаимодействуют косвенным образом.

Арканов вспомнил это, объясняя архитектуру своего неожиданного романа «Рукописи не возвращаются», а у меня создалось впечатление, что идея совмещения полярных начал, идея двойственности жизни присуща этому сатирику в принципе. Так или иначе он демонстрирует это нам собственной персоной.

...Вряд ли в стране найдется человек, который не смеялся бы над аркановскими остротами, не цитировал их. Сам автор читает свои юмористические рассказы с неподражаемым артистизмом, и популярность его не подвержена колебаниям. С именем Арканова связывают массу анекдотов и курьезных историй. Часть из них — святая правда, часть — чистый фольклор, некоторые байки он придумывал сам.

Рассказывают о пристрастии Арканова к джазу, о его уникальной коллекции джазовой музыки. Действительно, он играл в молодости на трубе в студенческом ансамбле и по сей день верный поклонник свинга.

Рассказывают о его необыкновенном успехе у прекрасного пола. Еще говорят о его пристрастии к играм. Он и впрямь играет во все, во что можно играть, — от шахмат до бегов, от преферанса до всех видов лотереи.

— Когда я впервые попал на бега, — вспоминает Арканов, — я не мог отличить лошадь от наездника. Стал знатоком, оставив там прорву денег. А потом понял, что живу по-настоящему только по средам, пятницам и воскресеньям — в дни заездов. Мне стали неинтересны литература, женщины... Это страшная страсть. Надо было уходить. И я ушел. Сразу. Теперь бываю на бегах раз в год.

А недавно я услышала очередной анекдот об Арканове. Будто бы прекрасным летним утром, в свой день рождения, он вышел из дому купить сигарет, а заодно билет лотереи. Ради шутки, как говорится. И шутка обернулась самым крупным призом — автомобилем «Волга».

Я спросила, правда ли это? Оказалось — правда. Такое может случиться только с Аркановым...

Каково же было изумление, когда этот жуир и игрок явил вдруг другое лицо. Я имею в виду публикацию в «Юности» его романа «Рукописи не возвращаются». Романа философского. Прележавший несколько лет в ящике письменного стола без перспективы публикации, он стал событием в литературе последнего времени.

В романе два параллельных сюжета. Каждый из них решен в своем жанровом ключе. Арканов с блеском использовал сложный литературный прием — роман в романе.

Как возникли эти два сюжета и как они взаимодействуют?

В некоем условном времени и пространстве, в некоем экзотическом государстве, где правил жестокий деспот Мадрант, произошла ужасная катастрофа. А началось все с того, что в народе, как это водится в деспотиях, зрело глухое недовольство и подогрелось оно крамольными стихами, которые тайно передавали из рук в руки угнетенные подданные Мадранта. Все попытки изловить тайного подстрекателя, автора стихов, не удались. И дело кончилось взрывом и всеобщей гибелью. Парадокс в том, что автором стихов был... сам Мадрант.

— Мне хотелось написать о сильном, незаурядном ха-

рактере, — говорит Арканов, — в котором заключены два взаимоисключающих начала. Внутренняя суть этого человека — поэтическое ощущение жизни, любовь к свободе, людям. А внешние обстоятельства, его реальное положение в жизни толкают его на поступки, далекие и от любви, и от творчества, и от свободы. Этот разлад, это вечное противоречие с самим собой приводит моего героя к гибели.

Я понимал, что нести эту рукопись в редакцию наивно: кого заинтересует эта фантазмагория? Все это так далеко от редакционного быта, от потребностей и прозы дня. Мне ли не знать редакционной жизни — я варился в ней столько лет. Вообразив себе, какова будет реакция, если я принесу свою сказку о Мадранте, представив себе эту ситуацию, я понял, что нашел ключ к будущему роману: именно эту редакционную ситуацию и надо написать — на грани гротеска, на грани литературного хулиганства.

Так возникли эти два сюжета — внутренний, поэтический, философский и внешний — сатирический. В них действуют похожие персонажи — разноцветные слоны. Скажем, Мадрант и главный редактор. Но сосуществуют они, как, скажем, оригинал и пародия.

Роман я обозначил как «ненаучная фантастика». Термин этот, если можно его так назвать, придумал сам и давно. Вот и все.

— Что касается моих планов, — говорит писатель, — то сейчас я переживаю некий период накопления и осмысления: что же на самом деле с нами происходит. Самое трудное — освободиться от внутреннего цензора, который так глубоко сидит в нас, вернее, в нас годами вложен. Ведь абсолютно свободен в творчестве только графоман или гений, осознающий свою мессинскую призванность. Надеюсь, я не графоман, и, сознаю, не гений.